

ГОД НАЗАД в статье критика В. Лакшина о романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» прочитал я слова, которые сначала меня обрадовали, но тут же и крайне удивили: «Историк литературы, критик, любит пользоваться меркой десятилетий: шестидесятые, семидесятые... Это как складной метр у столяра. Живое движение искусства плохо укладывается в назначенные ему хронологические рамки» («Литературное обозрение», № 10, 1981). Насчет складного метра — нельзя не согласиться и насчет живого движения литературы — тоже, но дальше-то, дальше: «Но тут до смешного точно: начались восьмидесятые годы, и резко обозначилась черта, отделившая нас от предыдущего десятилетия...!» А вот что, оказывается, было вплоть до этой черты: «Целое десятилетие литература договаривала то, что еще не было сказано о деревне и о войне». До-го-ва-ри-ва-ла — и только! Причем — «...с оттенком музейного трепета». Бедное, бедное десятилетие — как ему не повезло!

Может быть, не повезет и десятилетию текущему, поскольку оно станет свидетелем такой печальной картины: многие авторы договаривают свое, закрывают тему, а сами испускают дух?

Однако же будем оптимистами, будем верить, что тему существования народа в его настоящем и прошлом ни закрыть, ни «договорить» нельзя, и, значит, помирать нам рано, есть у нас еще дома дела!

Может быть, и есть пердышка, вполне естественная для каждого писателя при столь напряженной работе, есть необходимость еще и еще прислушаться, присмотреться к окружающему миру, но есть дела — вот что самое главное, и решению этого главного ничуть не способствуют категорические заключения о том, что целое десятилетие они, эти писатели, только и делали, что «договаривали». Нет, они и в это время тоже говорили и создали целый ряд произведений не менее значительных.

Не помогает делу и пафос, с которым автор противопоставляет одно произведение другому. Литературоведение, думается мне, за счет больших произведений призвано расширять кругозор читателя и свой собственный, а не сужать его, искать связи между ними, а не рвать их. Обратимся к классике — она всегда нам в помощь: внимательное прочтение, положение, Тургенева или Решетникова никогда не мешало, а всегда помогало такому же прочтению Толстого. И — наоборот.

Итак, оставалось лишь предположить, что не все историки литературы столь же легко отрывают прах десятилетий со своих ног и что не всем им при этом так же «смешно».

Но тут оказалось, что литературоведческая единица измерения длиною в десять лет и еще посулила новые открытия, и вот в журнале «Новый мир» (№ 8 за текущий год) мы читаем статью А. Бочарова под всеобъемлющим названием «Экзаменует жизнь», в которой он, в общем-то, на том же исходном материале и совершенно бестрепетно «договаривает» Лакшина: «Почти десять лет литература упоенно двигалась

к простому человеку, действующему в предельно локализованном пространстве — не только географическом (лесной кордон, олуствевшая деревушка, подлежащий затоплению остров), но и общественном...» (у Лакшина несколько иначе: «родной клочок земли, изба, поле, колодезь»).

В чем же все-таки минувшее десятилетие провинилось перед вновь наступившим? Бочаров недвусмысленно объясняет это с помощью романа Айтматова: «...Айтматов почувствовал незрелую общественную потребность вписать «локализованного» человека в «космическую систему» сегодняшнего общественного мироздания», а литература минувшего десятилетия этого не сделала. Прекрасно! Новизна, о которой от первых до последних строк своей статьи так печется А. Бочаров, — это прекрасно, но все-таки хочется узнать, что такое «космическая система» сегодняшнего общественного мироздания? Ведь если вводить в обиход этикет, судя по некоторым признакам, очень серьезные термины, то надо и объяснить, что они значат. Руководствуясь хотя бы старой (еще докосмической) истиной о том, что слова должны иметь смысл.

Меня призывают вписаться — куда? Во что? Я хочу это понять!

С некоторых пор мы прямо-таки заискиваем перед потомками, полагая, что если произнесем слово «космос», тем более «космическая система», то тем самым нам обеспечена их признательность!

Однако вот в чем дело: полеты в космос не только не отдалают наше существова-

(?! — С. З.) прозой и утверждает заодно, что она лишена «благословенного чувства нового» и что «ни одного поэтического образа чуткого к новому времени человека она не дала...». Отсюда проистекает, что люди, которые создали и вынесли на своих плечах все тяготы и перипетии невиданного нового колхозного строительства, абрамовские Прясины например, совершили все это только в силу своего консерватизма, чувства же нового они были лишены, что недоступно оно было и новосским шлемоносцам, когда они вот так запросто шли умирать за свою страну, за ее будущее!

Новизна, новизна! Не знаю писателя, которому она была бы чужда, но знаю довольно многих, кто готов ради нее выскочить из собственной кожи. А ведь это, пожалуй, ни к чему? Ведь лучшее качество новизны — ее естественность.

Теперь, после прочтения статьи «Экзаменует жизнь», знаю и такое толкование связей между «деревенской» прозой и новым литературным процессом, который обусловлен творчеством как Габриэля Гарсиа Маркеса, так и других писателей: «Даже (даже! — С. З.) деревенской прозы коснулся этот процесс. Вначале была сугубо реальная повесть В. Белова «Привычное дело» и бытовая история в «Последнем сроке» В. Распутина, а затем возникло нарочито сгущение красок в образе деревенского юродивого Богодула и мифологизация, вплоть до Хозяина острова в «Прощании с Матёрой».

Теперь ясно, как деревенская проза взаимодействует с мировым литературным

Да что она может ответить, эта «система», каким новым языком, если даже о предмете своей радости выражается так: «Но вписал его («локализованного человека» в «космическую систему» — С. З.) не по законам популярного «широкоформатного» романа, не через описательное панорамирование, а по законам метафорической ассоциативности, присущей мифологизированному повествованию. Благодаря такой космогонической задаче...» и т. д.

Это снова речь идет о романе Айтматова, и она только роняет действительно вбдающееся произведение, одно из достоинств которого — простота. В самом деле, надо быть большим художником, чтобы так просто и убедительно «сосредоточить» на заброшенном полустанке судьбы людей в их прошлом и настоящем, тут же нарисовать прекрасные картины из мира животных, и рассказать о космодроме, и заглянуть в космос — я не знаю другого такого же примера, но говорить об этом примере таким языком... Стиль «космической системы» — это ведь тоже она сама, ее признак! А критика художественной литературы тоже есть жанр художественной литературы. Но... «новизна» во что бы то ни стало! Она и не подвергает более глубокому, чем до сих пор, анализу те или иные произведения, а только определяет, какие из них «старые», а какие «новые». И только. И деревенской прозе еще повезло — она удостоена хоть и не всегда благосклонного, а все-таки внимания, ну, а другие-то явления минувшего литературного десятилетия? Их просто-напросто нет, как не бывало. Не принято говорить о том, чего в произведении — беллетристическом или критическом — нет, но и для этого правила есть исключения: если автор заявляет, что он экзаменует литературу от лица жизни, и притом за полное десятилетие, если учит нас «панорамировать» широкоформатно, то тем самым он ставит себя в исключительное положение. А если так, то почему же он ни словом не обмолвился о такой новой теме, развившейся именно в минувшем десятилетии, как отношение современного человека к природе? Ведь произведения были созданы здесь очень серьезные, скажем, «Царь-рыба» В. Астафьева. В это же десятилетие появился у нас и новый политический роман, произведения о минувшей войне, о которых немало писала критика, — где же они?

Кроме того, остается такое впечатление, будто автору статьи совершенно ничего и никто не противостоит в его мнениях и выводах.

А ведь это не так. В минувшем десятилетии мне довелось познакомиться с работами И. Дедкова, В. Дементьева, Ф. Кузнецова, П. Николаева, В. Озерова, Б. Панкина, В. Сурганова и многих других критиков — ни у кого я не встретил тех же умозаключений, что и у нашего автора, наоборот, то и дело это точки зрения совершенно противоположные. Тем более не следовало бы обходить их молчанием. Впрочем, нет здесь упоминания и о статье В. Лакшина, которая предваряет «Экзаменует жизнь».

Не хочу сказать, что я не согласен с А. Бочаровым ни в чем, но пишу-то я именно ввиду своих несогласий, а его оговорки, которыми он противоречит сам себе, вроде того, что «нет нужды разделять художников на новаторов и традиционалистов», ничуть не устранило этих несогласий.

«Мировая история стала просматриваться насковзь...» — писал В. Лакшин. И опять следует спросить: с какого числа «насковзь-то»? С 1 января 1981-го? И значит, с того же числа нечего делать историческому роману, нечего ему открывать, не о чем сообщить читателю?! А тут еще и «локализованного человека» вычеркивают из списков — куда же податься литературе-то? В какую теперь «космическую систему»? В какое «общественное мироздание»? Нет, не существует этого перехода от одного к другому, потому что не существует ни той, ни другой литературы.

И ни тот, ни другой, ни многие другие термины того же плана не отражают реальной картины, а пожалуй, и ирреальной не отражают: ирреальность тоже ведь требует определенной логики.

Но... «историософия». А там, глядишь, «антиисториософия», «историософистика». И пошла писать история!

Или же такого рода указания: «Новаторство расширяющегося клина — вот что должно быть непременным объектом критического внимания!» Новаторство клина — это, конечно, здорово, расширяющегося — еще лучше, но тем не менее, чтобы этот непременный объект понягя, сначала надо представить себе клин расширяющийся. Но... не хватает чувства новизны. Той самой — «благословенной»!

Такие шутки новейшей терминологии...

Кстати, чего-чего, а терминологию нам хватает! Технические науки прямо-таки задыхаются от нее, товароведы — тоже, там люди уже перестают понимать друг друга от избытия всякого рода названий и обозначений, неужели такому положению найдутся завистники и в литературоведении?! В погоне за «новизной»? В мечтах о том, чтобы вписываться, вписываться в «космические системы»?

А как посмотрит на это земная Жизнь — Экзаменатор?

Сергей ЗАЛЫГИН

ЦЕНА «НОВИЗНЫ»

ЗАМЕТКИ ПРОЗАИКА О КРИТИКЕ И КРИТИКАХ

ние от Земли и от земли, но еще и приземляют нас. Они доказывают, что другой земли и другой пригодной для существования человека природы нет, что Земля и окружающие ее пространства ничем не похожи на пасхальные яички-вкладыши: не понравилось в одной скорлупе — можно перебраться в другую, поменьше, но поуютнее, или, наоборот, улететь в большую-пребольшую космическую систему, где литературу можно будет измерять на века и тысячелетия.

И как, может быть, ни горько это сознавать авторам «космических систем», но «локализованный» человек еще кое на что годен, и мы приветствуем такую локализацию, когда люди семьями из поколения в поколение трудятся на лесном кордоне или в «деревушке», и странно ставить литературу в укор, что и она приветствует и, как может, утверждает такую «локализацию». Да и самито космонавты в своих выступлениях относятся ко всякого рода «космическим системам» сегодняшнего общественного мироздания» гораздо более трезво и здраво, чем те литераторы, которые, приняв сомнительную посылку за принцип, размежевывают литературу на старую и новую, на новизну и консерватизм двух- и даже одногодичной давности.

Вот как, например, А. Бочаров в свете своих новейших представлений рассматривает историю внутреннего монолога, «который мы исчисляем от романов М. Случкиса: опять-таки был процесс времени, затронувший разных художников в разных странах; в нашей стране он развился несколько позже, чем в других, но это развитие объясняется не литературным заимствованием, а внутренней логикой нашего литературно-художественного процесса. В силу ряда объективных и субъективных причин М. Случкис первым художественно полновесно усвоил его». Ох, уж эти таинственные ряды объективных и субъективных причин! Скажи «ряд», а дальше утверждай что хочешь! Впрочем, нет не так, никакими рядами — ни субъективными, ни объективными — нельзя доказать утверждение А. Бочарова по поводу М. Случкиса. Опять-таки — хороший писатель, но дело в том, что до него все-таки были А. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, от которых прозаический внутренний монолог и пошел в другие страны, а не наоборот: не отсюда «несколько позже» он пришел к нам. Если даже ограничиться периодом только советской литературы (хотя Бочаров никакими ограничениями свой вывод не огораживает), и тогда стоит вспомнить Горького с его «Климом Самгиным» или тот же фадеевский «Разгром».

Однако взгляд с высот космических систем требует новизны, и новизны суждений и выводов, и вот уже автор предлагает нам называть деревенскую прозу «историософской»

процессом: не будь Маркеса, и Распутин нарочито не сгущил бы краски в образе юродивого. А нормальный, без сгущений, юродивый, конечно, и сам бы не стал, и другим не подал бы повода мифологизировать и неосторожно обращаться с красками!

Однако вопрос-то поставлен серьезный, интересный: есть какие связи или их нет совсем? Наверное, они есть, только искать их нужно в других образах, наверное, надо исходить из того, что ни Маркес, ни то направление, которое он так ярко представляет, — еще не весь современный литературный процесс и что литературоведению, как и всякому другому исследованию, не свойственно поддаваться магии самого заметного.

Но вот и еще одна концепция — концепция повально-го бегства из семьи, в том числе из деревенской. «Казалось бы, это противоречит излюбленной ситуации деревенской прозы, осуждающей уход из родного гнезда». Но тут дело уже не в том, осуждает или не осуждает литература это явление, а в другом: почему уходят из семьи? От какой — уходят? А. Бочаров определенно говорит: «от погребительской!» Абрамовская Алька уходит от несчастной своей матери Пелагеи — потребность ее заело, вот, оказывается, в чем дело! И семья Пряслиных, и семья старухи Анны рассыпаются по белу свету все по той же причине! А ведь речь идет о послевоенных, разоренных колхозах. Но... концепция: «Если в зарубежной прозе люди обычно укрываются в доме, в семье от общественных невзгод... то у нас такого мотива нет: в семье от общества не укрываются, наоборот, герой уходит к людям от потребительской семьи!» И, наконец, такое утверждение: «Но когда проза уверовала было, что этим можно ограничиться, что любые исторические проблемы можно разрешить через «мужика»... — вот тогда и явилась спасительная «космическая система». Однако когда же это и какая проза уверовала, что любые проблемы можно решать через «мужика»? Не было этого и не могло быть! Иван Африканович из беловского «Привычного дела», что ли, решил и решил «любые проблемы»? Или «мужики» из «Комиссии»? Так они потому и погибли все, что не решились ни одной проблемы своего времени. Так называемая деревенская проза еще раз подтвердила ленинское положение о том, что крестьянство не является рвущей общественной силой! И критика тоже никогда не утверждала обратного, рассматривая эти произведения. Тем не менее некоторые проблемы с помощью «мужика» все-таки решались и решаются, но вот узнать бы: какие проблемы решались с помощью «космической системы» сегодняшнего же «общественного мироздания»?